Перепись населения в Ингушетии

*Самюэль Мари-Фанон**

Сложный и напряженный политический контекст

Республика, граничащая на востоке с Чечней, Ингушетия стала суверенной в 1992 г., вследствие односторонне провозглашенной президентом Дудаевым в 1991 г. независимости Чечни, и унаследовала сложный политический контекст, тесно связанный с отделившейся республикой и вытекающими отсюда конфликтами. Со времени начала в 1999 г. второй чеченской войны Ингушетия приняла большое количество перемещенных лиц из Чечни, бежавших от жестокостей войны и массовых нарушений прав человека, зафиксированных многочисленными НПО. Кроме того, картина не была бы полной без упоминания конфликта, произошедшего в 1992 г. с соседней Республикой Северная Осетия, основной причиной которого была территория Пригородного района (административный район в Северной Осетии, населенный преимущественно этническими ингушами) и который привел к массовому исходу ингушей с этой территории.

Эти структурные конфликтные факторы, наряду с драматическим перемещением населения, превратили Ингушетию в зону хронической нестабильности на южных границах России, а также в стратегическую зону, контроль над которой является одной из основных задач северокавказской политики российской власти.

Таким образом, при рассмотрении переписи в Ингушетии необходимо принимать в расчет особенности ситуации в регионе, поскольку для этой небольшой республики данное мероприятие имело определенный политический смысл в связи с проблемой перемещенных лиц, самое существование которых свидетельствует о том, что политическая ситуация далека от нормализации.

Вопреки наличию политической напряженности, усугубившейся благодаря тревожным событиям недавнего времени, подготовка к пе-

---

* Перевод с французского Е. Филипповой.

переписи как таковой осуществлялась без особых проблем. Информационная кампания была удовлетворительной (статьи в местной прессе, многочисленные плакаты на русском и ингушском языках, поддержка духовной власти). В целом местные СМИ, в отличие от некоторых федеральных, убеждали население принять участие в переписи и разъясняли некоторые практические вопросы, связанные с самой процедурой, не вдаваясь в обсуждение проблем, вызванных переписью. (Местные СМИ финансируются или жестко контролируются властями).

Что касается содержательной стороны переписи, вопросы о национальности или языке, видимо, не представляли особых проблем (за исключением отдельных этнических групп – см. ниже) – и, по многим свидетельствам, переписываемые отвечали на них достаточно правдиво. В то же время, социально-экономическая часть анкеты могла, по мнению многих наблюдателей, вызвать сокрытие информации из опасения, что она станет известна налоговым органам или даже криминальным группировкам, специализирующимся на похищении людей.

Условия безопасности и административные препятствия в работе наблюдателя

Поле деятельности в Ингушетии было в значительной мере ограничено условиями безопасности, принимая во внимание постоянно существующий риск похищения, обусловленный ситуацией в регионе. До последнего момента сама возможность осуществления наблюдения в Ингушетии была под вопросом.

Действительно, события, предшествующие переписи, осложнили обстановку в регионе: в сентябре 2002 г., вооруженные формирования чеченского полевого командира Гелаева вторглись в Ингушетию в районе высокогорного села Галашки и вели ожесточенные бои с расположенными здесь федеральными силами, что спровоцировало временный отъезд в Москву большого количества иностранцев, работавших в различных гуманитарных организациях на территории Ингушетии.

Несмотря на все эти события, я все же решил осуществить свои наблюдения, признавая, в то же время, невозможность выезда в наиболее опасные районы на юге республики.

Ко всему прочему, моя работа осложнилась тем, что глава республиканского Госкомстата (органа, ответственного за проведение переписи) запретил мне не только сопровождать, но и интервьюировать переписчиков, ссылаясь на полученную им из центра недвусмысленную инструкцию, в которой специально упоминался наш проект. Та-

ким образом, мне не удалось получить от властей точную информацию о ходе подготовки к переписи и возникавших при этом проблемах – мой собеседник в Госкомстате дал мне ясно понять, что вездесущие органы госбезопасности бдительно наблюдают за всем этим процессом.

В результате я был вынужден ограничиться наблюдением, по необходимости обращая внимание скорее на качественные, чем на количественные характеристики, пытаясь через неформальные беседы рассмотреть различные ситуации, специфические и типичные для Ингушетии. Это были беседы с людьми, прошедшими или не прошедшими перепись (внутриперемещенными лицами, чеченцами и ингушами), в различных местах (лагерях для перемещенных лиц, официальных или стихийно образованных, и в частных домовладениях) в Назрановском, Карабулакском, Слепцовском и Малгобекском районах Ингушетии, а также в Пригородном районе Северной Осетии. Я также установил контакт с неправительственными и международными организациями, занимающимися защитой перемещенных лиц (Мемориал, Веста, УВКБ ООН).

Переписывать перемещенных лиц – с какой целью?

Накануне переписи способ подсчета перемещенных лиц, принятый властями, был не вполне понятен. По словам одного из сотрудников Весты – организации, занимающейся защитой и правовой помощью перемещенным лицам, – с которым я встречался за месяц до переписи, власти предполагали определять их численность на основании списков получателей гуманитарной помощи. Судя по всему, лишь за 2–3 недели до переписи было решено переписывать перемещенных ли по тем же правилам, что и все остальное население.

По официальным данным, на территории Ингушетии находятся 134 тыс. перемещенных лиц, из них 34 тыс. – это ингуши из Пригородного района и около 100 тыс. – чеченцы (эта цифра ниже той, которую называет ООН: по оценкам этой организации, 111 тыс.). Среди 34 тыс. перемещенных лиц ингушской национальности[1] 33 тыс. не имеют «прописки» (регистрации по месту жительства), поскольку власти Ингушетии считают, что они «вернутся» в Северную Осетию, откуда они были изгнаны после конфликта 1992 г.

[1] Термин «национальность» в русском языке обозначает этническую, а не государственную (гражданскую) принадлежность. В данном тексте этот термин употребляется так, как принято в русской традиции.

Политические цели в отношении двух категорий перемещенных лиц – ингушей и чеченцев – различны и существенно отличаются в зависимости от действующих лиц. В отношении двух категорий перемещенных лиц – ингушей и чеченцев – разные заинтересованные стороны преследуют различные цели.

Ингуши в Северной Осетии

Большое количество перемещенных лиц – ингушей, проживающих в Пригородном районе Северной Осетии[1], не были переписаны осетинскими переписчиками, в чем ясно просматривается политический маневр, направленный на преуменьшение численности живущих в республике ингушей. Такое намерение объясняется острым территориальным спором между Северной Осетией и Ингушетией по поводу Пригородного района, наследием вооруженного конфликта между двумя республиками в 1992 г., который до сих пор остается неразрешенным, несмотря на декларируемые обеими сторонами намерения достичь прочного соглашения относительно нормализации двусторонних отношений и массового возвращения перемещенных лиц.

Перемещенные лица – чеченцы

Перемещенные лица из Чечни[2] – в большинстве своем чеченцы – находятся в Ингушетии с осени 1999 г. В настоящее время они размещены, во-первых, в «официальных» лагерях, развернутых компетентными ведомствами (МЧС и ФМС); во-вторых, в так называемых «стихийных» лагерях (в помещениях брошенных заводов, бывших ферм, в ангарах и пр., занятых самовольно) и, в-третьих, в «частном секторе» (арендуют квартиры или комнаты или нашли приют в ингушских семьях).

Острые политические дебаты относительно численности чеченских «беженцев» не стихают с момента их появления в Ингушетии. Стремление федеральной власти преуменьшить их численность имеет целью

---

[1] По данным ингушского территориального органа Федеральной миграционной службы (ФМС), в Северной Осетии насчитывается 60 000 этнических ингушей (большинство их сосредоточено в Пригородном районе). Из них 12 000 остались на месте после конфликта 1992 г., 48 000 вернулись в последние годы, тем не менее, их дома не восстановлены.

[2] Я сознательно употребляю термин «перемещенные лица», хотя термин «беженцы» более распространен в российской прессе и в обыденной речи. Международное право (и российское законодательство) квалифицирует как «беженцев» лиц, вынужденно покинувших страну постоянного проживания и перебравшихся в другую страну. В данном случае, поскольку не имело места пересечение государственной границы, правильнее говорить о «перемещенных лицах».

продемонстрировать возвращение перемещенных лиц, а значит – нормализацию ситуации в Чечне. Эта демонстрация рассчитана в основном на международное сообщество, некоторые институты которого, например, Совет Европы, сильно раздражают Кремль своей критикой действий власти в чеченском конфликте. Надо упомянуть еще референдум по проекту конституции, который должен состояться в Чечне в марте 2003 г. Этот срок будет более легитимным, если к назначенной дате перемещенные лица возвратятся в Чечню и примут участие в голосовании. Все эти причины объясняют заинтересованность федеральных властей в занижении числа перемещенных чеченцев. Пророссийская администрация Чечни, очевидно, преследует ту же цель, тем более что чем больше будет численность населения Чечни – тем больше будут и бюджетные дотации.

Между тем, местной власти Ингушетии и соответствующим федеральным министерствам выгодно увеличение численности перемещенных лиц, которое позволило бы им получить больше средств из федерального бюджета. Ингушетия, остающаяся одним из беднейших регионов Российской Федерации, получает значительные субвенции от федерального центра. Коррупция здесь, как и в Чечне, очень распространенное явление, так же, как и расхищение части федеральной помощи и международной гуманитарной помощи. Исходя из этого, можно заключить, что местные власти во главе с новым президентом Муратом Зязиковым, избранным при мощной поддержке Кремля, не обладают большой свободой действий.

Заметная политизация переписи чеченских перемещенных лиц проявляется и в восприятии ими самими переписи как политического акта. В действительности наши беседы показывают, что заметная часть чеченцев не была охвачена переписью – возможно, до 30%, по оценкам ряда местных НПО. Речь идет в данном случае об отказах от участия в переписи, которые объясняются различными причинами:

- Выражением политической независимости или протеста против федеральной власти.
- Опасениями молодых мужчин быть призванными в армию, подвергнуться облавам или арестам, поскольку данные переписи могут быть переданы в органы безопасности.
- Протестом против вооруженной оккупации.

Таким образом, перепись явилась объектом политических действий или поводом для опасений в атмосфере легко объяснимого недоверия к власти.

Особенности идентичности в Ингушетии: проблемы самоидентификации этнических и религиозных групп

Хотя ингушское общество кажется достаточно единым, хорошо вписывающимся в рамки общей этнокультурной, языковой и религиозной идентичности, не создающей особых проблем, отдельные небольшие сегменты населения нарушают эту монолитность, образуя этнокультурные группы, претендующие на самостоятельность, что со всей очевидностью появилось во время переписи, когда каждый должен был самоопределиться по нескольким основаниям. Однако не все возможные варианты идентификации были предусмотрены в анкетах.

Две общности представляют интерес в этом отношении:

1. Религиозная эзотерическая община «Батал Хаджи», основанная в конце 19 века, члены которой настаивают на своей религиозной идентичности, более важной для них, чем этническая (ингушская) идентичность. Их точная численность неизвестна, но оценивается приблизительно в 10 тыс. человек, что составляет значительную часть ингушского населения. До самого начала переписи лидеры общины вели переговоры с руководством Госкомстата, которые закончились их согласием записать себя как «ингуши» в графе «национальность». В ответ на это, по некоторым свидетельствам, члены общины отказались от предложенной классификации и будут, судя по всему, учтены в категории «другие национальности», в чем проявляется выраженное стремление к отличной от ингушей идентичности.

Ситуация с общиной «Батал Хаджи» поднимает более общую проблему относительно религиозной принадлежности, вопрос о которой не был включен в переписную анкету, но которая и для других этнических групп может быть центральным элементом мобилизации идентичности в кризисные периоды. Об этом свидетельствуют столь осуждаемые властями новые явления ухода в религию и радикализации религиозных практик, которые являются одной из составляющих, хотя и не самой важной, чеченского конфликта. Эта проблема заслуживает отдельного анализа, который выходит за рамки данного текста.

2. Группа «малхи», которая безуспешно требует признания своей отличительности от ингушей и чеченцев. Эта группа является не тейпом (кланом)[1] в строгом смысле слова, а представляет собой объеди-

[1] Основой социальной структуры чеченского и ингушского обществ является «тейп», который может объединять несколько тысяч семей. В основе тейпа лежат общая история, которая известна его членам и передается из поколения в поколение, а также общая территория или место происхождения. Достаточно жесткий в обоих обществах кодекс поведения предписывает каждому члену уважение к своему тейпу и подчинение нормам обычного права, установленным старши-

нение нескольких тейпов – «тукхум». Члены его живут на границе Чечни и Ингушетии, в Сунженском районе, и говорят на своем особом языке, в котором присутствуют как чеченские, так и ингушские компоненты[1]. Малхи претендовали на статус особой «национальности» еще в последние годы советской власти, требуя включения их в список национальностей, которые указывают в паспорте (как это было тогда принято). Во время переписи из-за отсутствия в перечне этнических наименований соответствующей категории малхи были вынуждены записываться как чеченцы или ингуши – выбор определялся главным образом местом жительства: в Ингушетии они называли себя ингушами.

Эти два примера, и таким образом сама перепись, перечеркивают ложные или упрощенные представления об идентичности и могут стать причиной политической мобилизации, в том смысле, что во время переписи могут обнажиться не только политические стратегии власти, но и, в ответ на них, индивидуальные стратегии или стратегии меньшинств.

Итоги переписи: нарушения процедуры и a priori спорные результаты

Мои стихийные неофициальные наблюдения, сделанные в разных местах и среди различных категорий населения, а также собранные свидетельства позволяют говорить о большом количестве нарушений закона о переписи. В качестве примеров можно назвать следующие:

- Переписчики требовали у перемещенных лиц документы.
- Переписчики задавали вопросы, относящиеся не только к гражданскому состоянию респондентов.
- Переписчики записывали ответы в тетради, а не прямо в переписные бланки.

Эти нарушения, похоже, свидетельствуют скорее о нехватке средств (недостаточное обучение, нехватка переписчиков, желание последних быстрее выполнить свою норму), нежели о политической воле вла-

ми. Этот социальный институт оказался весьма устойчивым и сумел адаптироваться к советским порядкам, а в период фактической независимости Чечни в 1997–1999 гг. вновь приобрел легитимность и до сих пор оказывает существенное влияние на частную жизнь и социальные практики, регулируя поведение человека в личной, семейной, общественной и политической жизни. Это один из фундаментальных компонентов чеченской и ингушской идентичности.

[1] Хотя оба языка очень близки между собой, их отличают особенности лексики и произношения, благодаря которым чеченцы и ингуши, хотя и понимают друг друга, но сразу же узнают, к какой национальности принадлежит говорящий.

стей. Среди переписчиков были и ингуши, и чеченцы, причем последние в основном переписывали чеченцев из числа перемещенных лиц. Этот факт может быть оценен как весьма положительный, поскольку это позволило сократить риск языкового непонимания во время переписи, а также избежать травмирования этой категории населения, к которой жители принимающей территории относятся, несмотря ни на что, с большой терпимостью.

Названные нарушения, встречающиеся очень часто, ставят по сомнение декларативный и добровольный характер переписи (поскольку переписчики часто довольствовались переписыванием данных из документов, удостоверяющих личность), а также предопределяют наличие ошибок, долю которых трудно оценить.

В то же время, – и это, быть может, внушает особое беспокойство, – некоторые высокопоставленные ингушские чиновники говорили мне (на условиях анонимности), что результаты переписи заранее были предрешены на самом верху еще до ее начала, подтверждая те крайние подозрения, которые вызвала публикация в прессе частичных результатов переписи в Чечне.

Не подтверждая радикальную гипотезу о том, что результаты переписи подтасованы и предопределены заранее, надо, несомненно, ожидать существенной коррекции первоначальных цифр, которые, как мне было указано официальными лицами, являются «государственной тайной». В действительности результаты переписи в Ингушетии имеют столь важное политическое и экономическое значение для местной и федеральной власти, что они не могут быть отданы на откуп статистикам.

Перепись в Ингушетии – субъекте федерации, страдающем от хронического кризиса, где стабилизации препятствует географическая, культурная и этническая близость с Чечней, неизбежно становится скорее политическим вопросом, нежели провоцирует межэтническую напряженность.